

були «орієнтовані» на середній клас, серед споживачів «нижчих класів», та одиниця *soul proprietor*, яку ми в нашій роботі вже розглянули, автор Джейн Поллак, що видала у 2001 році книгу з такою назвою. Низька продуктивність даного способу зумовлена тим, що здебільшого автора фразеологічної інновації встановити неможливо.

Таким чином, ми маємо зазначити, що семантичні способи утворення фразеологічних інновацій в медійному діловому дискурсі принципово не відрізняються від способів утворення традиційних фразеологічних одиниць. Найпродуктивнішими способами виявилися спосіб утворення нової фразеологічної одиниці за аналогією та утворення фразеологічних одиниць на основі потенційних фразеологізмів, що зумовлено легкістю способу творення нової одиниці на базі вже існуючого виразу за аналогією, а також тенденцією до використання яскравих та образних фразеологічних інновацій з метою здійснення певного емоційного впливу на реципієнта в текстах економічного спрямування сучасних оригінальних англомовних періодичних видань. Найменш продуктивним є виникнення фразеологічних інновацій на з авторських зворотів, що є більш характерним для усталеної фразеології (шекспіризми, біблеїзми, висловлювання відомих людей тощо).

Дана робота може слугувати базою для подальших досліджень в сфері неології та фразеології.

Бібліографічні посилання

1. Белозьоров М.В. Англійські лексичні та фразеологічні новотвори у сфері економіки: структурний, семантичний і соціофункціональний аспекти: Автореф. дис. ...канд. філол. наук: 10.02.04. – К., 2003.
2. Заботкина В. И. Новая лексика современного английского языка. – М.: ВШ, 1989.
3. Зацний Ю. А. Розвиток словникового складу сучасної англійської мови. – Запоріжжя, 1998.
4. Лесина С. В. Пополнение фразеологического фонда английского языка новыми фразеологическими единицами: Автореф. дис. ...канд. філол. наук: 10.02.04. – М., 1974.
5. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Гнозис, 2004.
6. Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь М., 1967.
7. Пташник С. Б. структурно-семантичні особливості фразеологічних модифікацій та їхні функції у газетному тексті: Автореф. дис. ...канд. філол. наук: 10.02.04. – Львів, 2003.
8. Чередниченко В.О. Інноваційна фразеологічна вербалізація в англійській мові (лінгвокогнітивний та соціолінгвістичний параметри): Автореф. дис. ...канд. філол. наук: 10.02.04. – Запоріжжя, 2005.
9. McFedries P. Archives/<http://www.logophilia.com/WordSpy>. – 2000-2007.

Арефьева Н. Г.

КОНЦЕПТ «ДЕВУШКА» В НАЦИОНАЛЬНО-ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ РУССКОГО, УКРАИНСКОГО, ПОЛЬСКОГО, БОЛГАРСКОГО ЯЗЫКОВ)

Фразеологический фонд языка – своеобразный аккумулятор знаний, опыта, представленный об окружающем мире каждого этноса, является одновременно одной из составляющих как языковой, так и концептуальной картин мира, т.к. наряду с другими средствами языка обладает этно-культурной информацией.

В то же время, языковая картина мира» как общая интериоризация действительности носителями одного языка приобретает атрибут национально-языковой» [7, с. 84].

В настоящее время сопоставительный анализ национально-языковых картин мира родственных языков является одной из актуальных проблем когнитивной лингвистики и лингвокультурологии. Исследования отечественных (Е. А. Селиванова, С. А. Жаботинская, Р. Кись), российских (Ю. Д. Апресян, Ю. С. Степанов, В. Н. Телия, С. Воркачев и др.), польских (I. Bartmicki, S. Niebzegowska, A. Mikołajczuk) лингвистов в русле концептологии и лингвокультурологии сосредоточены на реконструкции языковой и концептуальной картин мира как целостной системе представлений, отражающей языковое сознание нации (Ю. Д. Апресян, А. Вежбицкая). Кроме того, значительное внимание современных лингвистов уделяется анализу концепта как элемента языковой картины мира, закрепленного в менталитете нации и выражающего ее духовно-эмоциональный опыт. Как отмечает И. О. Голубовская, «концепты, относящиеся к уникальным понятиям этнической культуры, не только являются неотъемлемой частью национальных литератур, а и до сих пор постоянно появляются в повседневной разговорной речи» [2, с. 40].

Вербальная форма концептов – ключевые слова культуры нации (термин А. Вежбицкой) или культурно-значимые слова (термин Ю. С. Степанова) – изучаются современными языковедами «с учетом специфики этнического сознания носителей языка, влияния обычаев, социокультурных, фоновых знаний, традиций, обрядов, верований, мифологии и т. п.» [1, с. 84].

Целью данной статьи является сопоставительный анализ межнационального концепта «девушка» в национально-языковых картинах мира, представленных фразеологическим фондом русского, украинского, болгарского и польского языков с точки зрения выявления стереотипных характеристик, связанных с отражением образа молодой девушки в определенной лингвокультуре, а также с точки зрения того, каким образом репрезентован рассматриваемый концепт, – сквозь призму мужского мировидения или мировидения женского, и что является доминирующим.

Соглашаясь с отечественными и зарубежными авторами современных исследований (А. Вежбицкая, А. В. Кирилина, О. Л. Бессонова, А. С. Бондаренко) в том, что категории мужественности и женственности следует считать концептами культуры, заметим, что именно фразеология и паремнология, концентрируя в наибольшей степени духовно-эмоциональный опыт нации, содержат максимальное количество культурно-значимых слов, раскрывающих суть «мужского» и «женского» как одной из важнейших бинарных оппозиций, уходящей своими корнями в архаическое сознание древнего человека. Тем не менее, как отмечает Кирилина, несмотря на присутствие концептов «феминности» и «маскулинности» в каждой культуре, мифологическом сознании, наивной картине мира», стереотипизация и аксиологическая шкала гендера не одинакова в разных культурах [4, с. 72].

Концепт «девушка» в российской лингвокультурологии исследован достаточно подробно (И. С. Климас, Н. И. Моргунова, А. В. Кирилина, В. Н. Телия). Лексема «девушка/невеста» является одной из самых крупных семантических областей, представленных в Словаре живого великорусского языка В. И. Даля. Исследователи отмечают широкие изофункциональные связи лексемы, ее главенствующее место в лирическом и песенном фольклоре. Фразеологические единицы, пословицы и поговорки с партонимом «девушка» в исследуемых нами языках, в большинстве своем, коннотированы положительно.

Так, достаточно репрезентативной представляется нам группа фразеологических единиц, эксплицирующих внешнюю красоту молодой девушки.

Ср.:

Русск. *О Девке худа не молви. Про девку не молви. Девка пляшет, сама себя красит. Красна девка в хороводе, что маков цвет в огороде. Коса – девичья краса.*

Покрасуйся, девушка, до святой воли батюшкиной. Королева красоты. Писаная красавица. Как картинка.

Укр. *Красна дівиця .Гарна на вроду. Гляне, мов сонечко ясне. Королева краси. Пишина (мальована красуня). Хоч картинку малюй.*

Польск. Широко представлено вербальное выражение концепта «девушка» во Фразеологическом словаре польского языка Ст.Скорупки: *Dziewczę miła, młode, rozkoszne. Miła, młoda, ładna, smukła, wiotka, piękna, dzielna dziewczyna* (досл.девушка милая, молодая, шикарная, красивая, стройная, гибкая, отважная).

Болг. *Мама-хубавица. Момиче като пъпка. Хубава (красива) като капка. Като картинка.* (досл. красная девица; девушка, как бутон; красива, как капелька, как картинка).

Тем не менее, целый ряд пословиц и поговорок отражает первостепенное значение таких качеств, как ум, доброта, хозяйственность. Зачастую, имеют место противопоставления лексем красота – ум либо красота – счастье и т. п. Ср.:

Русск. *Внешность обманчива. Не родись красивой, а родись счастливой. С лица воду не пить. Не вид красит человека, а разум. Из хорошей девки хорошая и хозяйка.*

Укр. *Не шукай краси, а шукай доброту. Зовнішність обманлива. Не родись вродливою, а родись щасливою. Не краса красить, а розум.*

Польск. *Pozory mylą. Pozór często oszukuje. Lepiej urodzić się szczęśliwym niż ładnym. Rozumił Bóg do urody nie przywiązał.*

Болг. *Хубост на стена не се роди.*

Во всех языках можно отметить связь концепта «молодая девушка» с древними верованиями, обычаями, обрядовыми действиями. Так, к примеру, компаративный фразеологизм *весела, как веиний жаворонок (жавороночек)* относился к девочке либо девушке, т.к. его внутренняя форма связана с народным обычаем, согласно которому «мартовские дни прилета птиц и начала весны отмечались как женско-девичье празднование» [4, с. 217]. У восточных славян символом весны была Веснянка – по народным поверьям, трудолюбивая и красивая девушка, именем которой зазывали и прославляли весну [1].

Достаточно специфическим, на наш взгляд, является болгарский фразеологизм *мама под корито* в значении «девушка, която не може да се ожени, защото има по-голяма неомъжена сестра или по – голям неженен брат» (досл. девушка, которая не может выйти замуж, т.к. имеет старшую незамужнюю сестру или неженатого старшего брата) [11, т. 1, с. 95]. В основе данной фразеологической единицы лежит древний народный обычай, согласно которому младшую сестру прятали под корыто во время прихода предполагаемого жениха к более старшей сестре. Интересным является тот факт, что древнее представление о нежелательности выхода замуж младшей сестры прежде старшей, присутствующее и в других этнокультурах (ср. русск. уст. *бракованная сестра*, укр. *підвернути під корито* в значении «выйти замуж раньше, ніж старша сестра» [13, т. 2, с. 594]) сохранилось до сих пор и квалифицируется как народная примета.

В польском языке специфику лингвокультуры данного социума, на наш взгляд, отражает фразеологическое сочетание *dziewiczy wieczór* в значении «девичник». На общеславянское происхождение концепта указывает, однако, его экспликация и в других этнокультурах. Ср.:

Укр. *Дівич – вечір* – «обрядовый акт відокремлення наречених від несімєйної молоді» [1, с.151].

Русск. общеупотр. *Девичник.*

Практически во всех рассматриваемых нами языках фразеологические единицы, пословицы и поговорки имплицитно такие качества молодой девушки, как нравственная чистота, скромность, застенчивость. Ср.:

Русск. *(Словно, как) красная девица* в значении «слишком робкий, застенчивый молодой человек» [с. 14].

Укр. *Як (мов, ніби) засватана дівка (дівка на виданні)* в значении «ніяково, несміливо, сором'язливо» [13, т. 1, с. 241].

Болг. *Срамежлив като момиче* (досл.застенчив, как девушка). *Кротък като момиче* (досл.кроток как девушка). *Червя се като момиче* (досл.краснеть как девушка).

Польск. *Dziewiczy wianek* (досл.девичий венок) в значении «dziewictwo, czystość panieńska, której zewnętrznym symbolem był wianek ruciany wkładany na głowę podczas ślubu»(досл.девичество, девичья чистота, символом которых был сплетенный вручную венок, одеваемый на голову во время бракосочетания) [15, с. 208].

В болгарском языке показательным является фразеологическое сочетание *момина сълза* – «ландыш», символизирующий чистоту.Фразеологизм девичье сердце является межъязыковым и передает чистоту чувств и мыслей молодой девушки. Ср.:

Укр. *Дівоче серце (серденько).*

Польск. *Dziewicze serce.*

Болг. *Момино сърце.*

Образ девушки характеризуется также коннотативным значением «гордость, чувство собственного достоинства», что нашло свое отражение в денотативном значении фразеологизма девушка с характером,

обладающим коннотативными значениями «о ком-либо, отличающемся упорством, целеустремленностью» [9, с. 177]. Укр. *Як засватана дівка* имеет коннотативное значение «гордо, піднесено, з почуттям власної гідності» [13, с. 241].

Концептосфера девичества немислима без концепта «любовь» – это наиболее репрезентативная группа фразеологизмов, пословиц и поговорок разных славянских языков. Здесь наиболее ярко выражено женское мировидение и самоощущение, раскрывающее всю глубину девичьей души, женскую способность к самопожертвованию и максимальной самоотдаче ради любимого человека. Ср.:

Русск. *Для милого дружка и сережку из ушка (и семь верст не околица). Не спится, не лежит, все о милом грустится. Без солнышка нельзя прожить, без милого нельзя прожить. Не красивый – милый, а красивый – милый.*

Укр. *Для милого дружка і сережку з вушка. Для (ради) милого друга і вола (і коня) з плуга. Чи в любистку ти купався, що так мені сподобався? Силою не будеш милою. Не можна нелюба любити. Милого друга мила і пуга.*

Польск. *Nie ma zlej drogi do swojej niebogi. Kochać się jak para gołąbków. Gdzie pana kochają, tam i jego pieska głaszczą* (пер. для милого дружка и сережку из ушка; любить друг друга как пара голубков; любишь меня – люби и собачку мою).

Болг. *Дам/давам мило и драго (мило за драго).*

К данной группе также относятся фразеологизмы, отражающие концептосферу межличностных отношений, а именно – отношений между возлюбленными, с точки зрения мужского мировидения. Ср.:

Русск. *Не бери приданое, бери милу девицу. Не та мила, что хороша, а та, что к сердцу пришла. Не кайся рано проснувшись, кайся рано женившись. Не ищи в хороводе, а ищи в огороде. Насильно мил не будешь.*

Польск. *Pani (wybranka) serca. Dziewczyna jak marzenie* (досл. дама сердца; девушка мечты).

Болг. *Насила хубост не става. Поискам /поискам ръката* (пер.насилно мил не будеш; просить руки).

Жизнь до замужества воспроизводится языковой картиной мира разных этнокультур как беззаботное и, как правило, недолгое время в жизни молодой девушки. По-видимому, именно с мотивом беззаботности девичьей жизни связан фразеологизм *девичья память* (укр. *дівоча пам'ять*).

Свадьба – символ прощания с девичеством, и связанные с ней обычаи и обрядовые действия нередко эксплицированы в славянской фразеологии в минорных тонах. Ср.:

Русск. *Венец – всему делу конец. Покроют головушку – наложат заботушку. Замуж идет – песни поет, а вышла – слезы льет.*

Укр. *Дочка – як ластівка: пощобече, пощобече та й полетить.*

В болгарском языке неравноправие в будущей семейной жизни, патриархальный уклад семьи выражено внутренней формой фразеологизма *одирам котката* со значением «напугать кого-л., показать свое главенствующее положение». Происхождение данной фразеологической единицы связано с древним обычаем, когда во время свадьбы жених разрывал на пороге кошку, чтобы напугать невесту и показать свое главенствующее положение в будущей семейной жизни [11].

Имеет место также ассоциативная связь между фразеологизмами *идти под венец* (укр. *йти під вінець*; болг. *минавам под венчило*) со значением «выходить замуж» и *терновый венец* со значением «символ мученичества» (укр. *терновий вінець*; болг. *трънен венец*).

В экспликации концептосферы девичества встречаются и пейоративные коннотации. Так, отрицательно коннотированы фразеологические единицы разных языков со значением «не выйти замуж». Ср.:

Русск. *Старая дева. Засидеться в девках.*

Укр. *Стара панна. Сивіти в дівках.*

Болг. *Стара мома. Остана(стоя си) стара мома.*

Польск. *Stara panna.*

Национально-языковые картины мира также фиксируют негативное отношение к слишком избалованным, несамостоятельным девушкам. Ср.:

Русск. *Мамынькина дочка. Кисейная барышня.*

Укр. *Мамина (матусина) дочка (донька). Тендітна панночка. Манірна дівчина.*

Болг. *Мамина щерка (дъщеричка). Разглезена госпожичка.*

Однако наибольшее осуждение эксплицируется посредством фразеологических сочетаний, означающих физиологическую распущенность молодой девушки. Ср.:

Русск. *Девушка легкого поведения. Ночная бабочка. Пойти по рукам.*

Укр. *Піти по руках.*

Польск. *Uliczna dziewczka. Dziewczeta publiczne, upadłe. Dziewczyna lekka, lekkich obyczajów, upadła, złego prowadzenia* (досл. уличная девка; общая девушка; девушка легкого поведения).

Болг. *Изнаднало момиче. Минава/мине през ръцете.*

Присутствуют фразеологизмы, эксплицирующие типичную деятельность молодой девушки, стереотипы ее поведения. Ср.:

Русск. *Строчить глазки. Стрелять глазками. Наводить красоту.*

Укр. *Бісики пускати. Грати (стріляти) очима. Наводити красу.*

Польск. *Robić (perskie) oczy, robić słodkie oczy.*

Болг. *Окото му шавя. Хвърлям игрици (дяволит, кокетен) поглед към някого.*

В польском языке широко представлена группа фразеологических сочетаний, означающих типичные для женщины социальные роли и сферы деятельности. Во фразеологическом словаре польского языка зафиксирован, к примеру, целый ряд идиом с партонимом «панна» (девушка): *panna bufetowa*; *panna młoda*; *panna sklepowa*; *panna do dzieci*; *panna do towarzystwa* и др. (досл. буфетчица, новобрачная, няня, компаньонка).

Такие фразеологизмы как русск. глянет, словно рублем одарит; укр. гляне, мов *сонечко ясне*; болг. *ходя по любов*; польск. *dziewicy wiecзор* являются, с нашей точки зрения, специфичными для лингвокультуры каждого социума.

Итак, концепт «девушка» в разных славянских языках интерпретируется с помощью следующих коннотаций: нравственная чистота, скромность, покорность и, в то же время, чувство собственного достоинства и гордость по отношению к будущему избраннику. Образ девушки, представленный посредством фразеологических сочетаний, пословиц и поговорок разных славянских языков, характеризуется, безусловно, положительно. Концептосфера девичества имплицитно также мотив беззаботности, тогда как семантика фразеологических сочетаний, репрезентирующих свадебные обряды, в большинстве своем, окрашена в минорные тона.

Образ девушки отражен в национально-языковых картинах мира, в основном через мужское мировидение, но и женский голос, безусловно, присутствует в славянской фразеологии, эксплицирующей стереотипы поведения молодой девушки, ее взгляд на окружающий мир и самооощущение. Степень андроцентричности, однако, в характеристике концепта «девушка» не одинакова в рассмотренных нами языках.

Наибольшая степень андроцентричности, по нашим данным, выявлена в болгарском языке, наименьшая – в польском языке, где шире представлены фразеологические сочетания, репрезентирующие типичные для женщины сферы деятельности.

Источники и литература

1. Войтович В. М. Українська міфологія.. – К., 2005.
2. Голубовська І. О. Душа і серце в національно-мовних картинах світу (на матеріалі української, російської, англійської та китайської мов) // Мовознавство. – 2002. – № 4-5. – С. 40-48.
3. Даль В. И. Пословицы русского народа. – М., 1984.
4. Кирилина А. В. Гендер: Лингвистические аспекты. – М., 1999.
5. Климас И. С. Своеобразие фольклорной синонимии (на материале лексем девушка, девица, девка, девочка, девчина) // Исследования по лингвофольклористике. Вып.2: Слово в фольклорном тексте. – Курск, 1997. – С.3-11.
6. Моргунова Н. И. Самые частотные лексемы фольклорной лексики // Исследования по лингвофольклористике. Вып.2: Слово в фольклорном тексте. – Курск, 1997. – С. 18-24.
7. Селіванова О. С. Актуальні напрями сучасної лінгвістики. Телія В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М., 1996.
8. Яковлева О. В. Концептосфера весільних співів в українському фольклорі // Слов'янський збірник. – Одеса, 2003. – Вип. X. – С. 251-258.
9. Бирих А.К. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. – М., 2005.
10. Кошелев А. К., Леонидова М. А. Болгарско-русский фразеологический словарь. – М.,-С.,1974.
11. Ничева К. Фразеологичен речник на българския език. – С., 1975.
12. Олійник І. С., Сидоренко М. М. Українсько-російський і російсько-український фразеологічний словник. – К., 1978.
13. Фразеологічний словник української мови / Уклад. В. М. Білоноженко та ін. – К., 1999.
14. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А. И. Молоткова. – М., 1968.
15. Skorupka St. Słownik frazeologiczny języka polskiego. – W., 1974.

Атаманова Е. Д.

КУЛЬТУРА, РОЖДАЮЩАЯСЯ В СЛОВЕ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)

Вопрос о культуре и языке является всегда и повсеместно актуальным. А тем более в нашей стране, где даже политические проблемы постоянно упираются в язык, потому что именно он глубже всего связан с историческими традициями, с самосознанием народа, он хранитель концептов национальной культуры. Колесов В. В. в книге «Жизнь происходит от слова» рассматривает русский язык в качестве интеллектуальной силы, которая собиралась нами в течение веков в зоне ноосферы, а культуру как то, что соединяет язык с субъектом его действия – интеллигентным человеком. А. Бергсон в работе «Смех» акцентирует внимание на роли «смехового» в искажении культуры человеческих чувств, а Мечковская Н. Б. в статье «Между прошлым и будущим литературы» связывает повышение удельного веса смехового и игрового в литературе с повышенным присутствием агрессии и разрушением культуры. Лихачев Д. С. видит перспективу развития культуры в увеличении «сектора свободы в литературе», этому посвящена его статья «Будущее литературы как предмет изучения». Эпштейн М. в работе «Русский язык в свете творческой филологии» рассуждает о том, что в соответствии с высокими темпами развития жизни и цивилизации, культура и основная ее составляющая – Слово, должны развиваться не менее интенсивно, а может быть и более, и в качестве примера приводит English, постоянно расширяющий свою лексическую систему. Для увеличения продуктивности русского языка Эпштейн предлагает активное словотворчество на русских национальных корнях.

Новизна данной работы заключается в том, что, следуя тезису Бродского «человек есть продукт его чтения», мы уделяем внимание языку современных авторов и пытаемся разобраться в том, что мы читаем, каким образом строится современный художественный текст и как именно он соотносится с понятием культура, что вносит свою лепту во всестороннее изучение данной проблемы. И обращаемся для этого к некоторым произведениям Виктора Пелевина, Владимира Ерофеева и Владимира Сорокина. Целью нашей работы является рассмотрение основных тенденций развития языка современной популярной художественной литературы и теоретический анализ их соотношения с понятием культура. Исходя из этого, мы решаем следующие задачи: определяем общую объектную направленность произведений, взятых в качестве материала; отмечаем характерные приемы повествования; определяем роль «смехового» в строении художественного текста и его соотношение с понятием речевая агрессия и культура; рассматриваем деформацию стилистической системы; акцентируем внимание на проблеме словотворчества, рассматривая ее как способность и даже обязанность каждого человека созидать культуру.

Эпштейн пишет, что «нынешняя цивилизация становится хоррорифичной» (horrific (англ.) – жуткий, ужасный), то же можно сказать о литературе, которая во многом стала глашатаем и художником сегодняшней цивилизации. Современная литература, если использовать «автомобильную» метафору самого Ерофеева, «выбрала все-таки ближний свет. Она освещает то, что есть: женские ноги, мусорные баки, тоску по надежде,